

俄罗斯文化专题

Русская тематическая
культура

张平 编著

西北工业大学出版社

昆明理工大学社会科学学院出版基金资助

Русская тематическая культура

俄罗斯文化专题

张 平 编著

西北工业大学出版社

【内容简介】 本书用全俄文选编了涉及俄罗斯文化的 11 个专题,内容包括:俄罗斯灵魂、精神、特质、观念、伦理道德、审美观、俄罗斯帝国、俄罗斯的欧洲情结等。可供俄语专业的学生及对俄罗斯文化感兴趣的读者阅读。

图书在版编目(CIP)数据

俄罗斯文化专题/张平编著. —西安:西北工业大学出版社,2015.1
ISBN 978-7-5612-4247-6

I. ①俄… II. ①张… III. ①文化—研究—俄罗斯—俄语 IV. ①G151.2

中国版本图书馆 CIP 数据核字(2015)第 005407 号

出版发行:西北工业大学出版社

通信地址:西安市友谊西路 127 号 邮编:710072

电 话:(029)88493844 88491757

网 址:www.nwpup.com

印 刷 者:北京京华虎彩印刷有限公司

开 本:727 mm×960 mm 1/16

印 张:16.75

字 数:409 千字

版 次:2015 年 1 月第 1 版 2015 年 1 月第 1 次印刷

定 价:36.00 元

Предисловие

В течение двух последних десятилетий 20 и в начале 19 веков Россия охвачена острейшим кризисом. Сегодня очевидно, что он глобальный и длительный. Понятно, что выход из прошлой системы не мог пройти просто и гладко. Но переходный период в России ясно затянулся. Почему же так происходит?

Здесь много серьёзных причин, но в числе прочих высказывается мнение о том, что природу нынешних катаклизмов нужно искать и в сфере психологии, в складе русского ума, характера, одним словом—в менталитете народа.

И Россия, и русские, и русский национальный характер—сложные объекты изучения. Безусловно, у русских как у нации очень много самобытных, неповторимых чёрт, отличающих их от других этносов. И всё же тезис, что русский человек и русский характер недоступны пониманию и научному познанию, не более чем миф. Этот миф нашёл отражение в художественной литературе, философии, публицистике, искусстве, в народном сознании и подсознании, то есть на житейском, бытовом уровне. Данный миф был порождён на свет не только в России. В его генезисе прослеживаются и иностранные корни. Иностранцы, которые интересовались и профессионально занимались Россией и русскими, но не сумели ни в том, ни в другом разобраться, пришли к выводу, что объект изучения—это нечто особое и что тайну русского человека и русского характера раскрыть невозможно. Не понимание со стороны иностранцев, как было сказано, идёт большей частью от незнания реалий русской истории и культуры, русской

жизни.

Что касается самых русских, то для одних вечная тайна русской души—всего лишь миф, а для других—чуть ли не главная национальная ценность, предмет особой гордости, незыблемый приоритет. Не случайно разные национальные авторитеты далеко не одинаково толкуют и интерпрестируют суть этого феномена.

Образ любой страны представляет собой многомерное и многозначное явление, исследовать которое полностью невозможно. В любом случае, необходимо построение модели, отражающей основные, существенные черты данного явления. Одним из видов таких моделей являются сформированные ценности носителей языка. Ценности напрямую зависят как от культуры, существующей в данном сообществе, так и особенностей менталитета её носителей.

Поэтому мы посчитали, что нужно знакомиться с русской культурой и русским языком. Мы должны познакомиться со всех сторон с русской культурой, вот это цель нашей этой книги. Эта книга «Русская тематическая культура» разделяется на 11 частей, в том числе «русская душа», «русская судьба», «русский дух», «русский характер», «русская идея», «русская этика», «русская эстетика», «русская империя», «русская евразия», «русья- пресс-конференция», «и русские сми». Мы надеемся, что вам полезно чуть-чуть. Это только одно окно знакомства с русской культурой. К стати, очень благодарю поддержку руководителей института общественных наук при Куньминском политехническом университете.

Главный составитель Чжан Пин

30 сентября 2014г. Куньминский политехнический университет

Содержание

Часть1	Русская душа	1
Часть2	Русская судьба	25
Часть3	Русский дух	66
Часть4	Русский характер	83
Часть5	Русская идея	99
Часть6	Русская этика	115
Часть7	Русская эстетика	123
Часть8	Русская империя	151
Часть9	Русская Евразия	161
Часть10	Русская пресс-конференция	181
Часть11	Русские СМИ	212
Литература		263

Часть I Русская душа

История русской души

Трудности определения

Есть множество определений того, что по-гречески называют «этносом» по-латыни «нацией» (*natio*), а по-русски «народом», — тех крупных сообществ, которые в своей совокупности и составляют все человечество. Реальность этих сообществ не вызывает сомнений, мы ясно видим, что они существуют. Но определить их «по-научному», «материалистически» не получается.

Вот так, например, определяет «нацию» Большая советская энциклопедия:

Историческая общность людей, складывающаяся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки.

Такие, «научные» определения не приближают к главному — к пониманию, что ответственно за целостность конкретного — я все же буду использовать русское слово «народ», — так вот, за целостность конкретного народа и его отличия от других народов. Вопрос этот только кажется теоретическим. На самом деле он более чем «практический» — тот или иной ответ на него, определяя самосознание народа, определяет и его поведение.

Так что речь здесь не об интеллектуальных играх высоколобых теоретиков. Это только на первый взгляд может показаться, что нет смысла пытаться точно сформулировать, что такое русскость и кто такие русские и что отличает русских от нерусских, когда интуитивно это вроде бы и так понятно. Но в том-то и дело, что интуитивно разным людям это понятно по-разному, и, более того, одному и тому же человеку в разных ситуациях это бывает понятно тоже по-разному. Для

одних Окуджава и Искандер — русские, для других русские — только Иванов и Петров.

Так что вопрос о том, что ответственно за русскость, совсем непрост. Кровь? Но самые русские русские то и дело обнаруживают в своей «крови» примеси. Местожительство? А как же русские в Литве? Или в Париже? Язык? Но простые труженики не понимают профессоров, а большинство из русских не понимает ни церковно-славянского пения, ни летописей. Самоназвание? Но всегда ли назовут себя русскими, например, карелы? При одних обстоятельствах назовут, при других — ни в коем случае. И уж точно не так называли себя тверичи или новгородцы. Самосознание? Но совсем не многие русские на вопрос «Кто ты?» прежде всего скажут: «Я-русский». Гораздо чаще человек сначала сообщит свое имя, затем профессию, затем семейное положение, черты характера, а что касается своей «русскости», то до нее он может и вообще не добраться. Национальный характер? Но что это такое? Какие черты считать национальными? Пьянство или щедрость? Удадь или доброту? Бесшабашность или свободолюбие?...

Впрочем, здесь мы в самом деле приближаемся к чему-то такому, за что можно попробовать ухватиться. Однако, сделать это «по-научному», «материалистически» не получится. Потому что у «материалистов» просто язык прилипает к небу, когда нужно назвать то, что делает русских русскими. Это нельзя пощупать руками и нельзя определить сколько-нибудь корректно, потому что это — сущность другого плана, которая не укладывается в «научные» слова. Она другая, и она больше «научных» слов. Это — душа. Русских делает русскими русская душа. Точно так же, как римская душа делала римлянами римлян, а немецкая — делает немцев немцами. Вот какое ключевое слово не поворачивается произнести язык «материалистов».

Души разных народов отличаются друг от друга — и не только своим содержанием. Есть души-муравьи, а есть души-слоны. Есть души-старики и души-дети. Первые одеты в богатые культуры, вторые — только в мечты. Более того, два состояния одной и той же души могут отличаться друг от друга не менее сильно; в юности народа его душа молода, а через несколько веков старится. Именно это разнообразие и не позволяет дать сколько-нибудь корректное определение того, что все «и так» чувствуют. Но определения здесь и

не нужны. Сами по себе они не помогают знакомиться с душой народа.

Русская душа

Что такое русская душа? Мы видим ее проявления двояко: и в русской культуре, и в русской психологии—как сплав русских психических черт. Одна из таких русских черт — любовь к России. Каждый русский чувствует в себе этот стержень жизни, который и определяет саму ценность, сам трепет этого слова — «русский». Не важно-кричит ли человек о своей любви к России на каждом углу или целомудренно хранит ее в глубине сердца, стесняясь выплескивать сокровенное наружу. И истеричный крик «Я русский!», и застенчивая неспособность назвать себя русским равно связаны с чувством причастности, и даже не просто причастности, а неразрывной связанности со всеми русскими радостями и горестями. Именно она, эта причастность-связность, заставляет воспринимать общие радости и горести как свои, даже когда кажется, что они не имеют к тебе прямого отношения. Так этой нашей общей «повязанностью» проявляют себя русская душа и русская судьба — и та и другая «одна на всех».

Но и в культуре, и в психологии мы видим только внешнюю сторону души, только ее проявления. А сама душа — то, что проявляет себя в культуре и психологии, — это другое. Душа народа существует в душах отдельных людей, лишая их отдельности и превращая в общность—в русский народ. Душа народа связана и с душой земли, на которой живут русские люди. Но она не сводима ни к совокупности индивидуальных душ, ни к душе земли. И прежде всего потому, что душа народа — это не теоретическое измышление, а реальное живое существо.

А для того чтобы ощутить реальность этого кажущегося «материалистам» эфемерным, если вообще не придуманным создания, нужно познакомиться с его жизнью — от дня рождения до нашего времени. Биография русской души, русская история — это история того, как, оставаясь неизменной в своем внутреннем ядре-душе души, русская душа росла, взрослела, зрела, расцветала, в общем, готовилась к своей миссии. Только такое видение превращает нагромождение фактов и домыслов, перемешанных с возгласами «Вот как мы их!» и всхлипами «Эх, как они нас!», в историю.

Начало

Споры о происхождении русских крутятся вокруг двух вопросов. Кто такие славяне и откуда они появились в Приднепровье и на Ильмене? И кто такие варяги – скандинавы, или германцы, или вообще западные славяне? Но за двумя этими вопросами стоит один, который и доводит спорщиков до хрипоты, — важнейший для самоопределения вопрос: «Кто мы такие?»

Вопрос не академический; если мы «забывшие свое отечество» западноевропейцы – потомки шведов или «немцев», наш путь ведет «назад — в Европу»; если мы чистые славяне, у нас особый, славянский путь; если мы пришли из Ирана, то мы арийцы и наш путь арийский, а если признать нашими предками степняков, то наш путь «евразийский».

К счастью вопросы, на которые так напряженно ищут ответ историки, для понимания русской судьбы не имеют никакого значения. Русские с равным успехом могли бы быть потомками негров, чукчей или французов — это никак не сказалось бы на нашей исторической судьбе, потому что судьба эта не негритянская, не чукотская и не французская. И она не скандинавская, не немецкая, не иранская, не степная и даже не славянская. Она русская. И как таковая не только не сводима ни к одной из судеб биологических предков русских, но из ее полотна даже нельзя вытащить скандинавские или славянские «нити». Другая она потому, что у русских своя, не скандинавская и не славянская, не монгольская и не немецкая, а русская душа. И чтобы почувствовать это, не нужны никакие исторические изыскания. Достаточно заметить, как русские непохожи не только на скандинавов, но и — удивительно, как наши славянофилы умудряются этого не замечать, — на славян.

Мифы русской истории настолько пропитаны политическим заказом, что в них порой вообще не выделить фактическую основу. Это относится и к истории призвания варягов. Так сегодня, когда униженная Россия задыхается в поисках своей ясно ощущаемой всеми, но никак не выговариваемой самости, этот миф пытаются перекроить на новый лад; появляются забавные попытки сделать варягов (то есть «чужаков», именно такое значение закрепилось за словом «варяг» в русском языке) «нашими», «русскими», славянами. (И самое интересное – «модернизаторы истории» отчасти правы. Варяги и в самом деле наши, русские.

Только они небыли русскими изначально «в частности, потому, что изначально и самих русских не было» — они стали русскими.)

Но миф о «наших варягах» появился сегодня. А в то время, когда писались учебники, по которым все мы учили историю, политический заказ был другим. Тогда для обоснования европейского происхождения русских и наших «обязательств перед Европой» история про варягов была как нельзя более кстати. Настолько кстати, что, даже если бы вообще не было ничего подобного, варягов нужно было бы придумать.

Загадки варягов

Возможно, первым европейским историкам России и в самом деле казалось, что, если бы варягов на Руси не было, их стоило бы придумать. Но в данном случае придумывать что-либо не было нужды — скандинавы действительно присутствовали у колыбели русских. Это факт, спорить с которым невозможно. Но не только невозможно — если правильно понять этот факт, то окажется, что даже самым патриотичным патриотам спорить с ним и ни к чему.

В последней трети первого тысячелетия скандинавы двинулись на юг. Западные ветви этого движения основали Нормандию, завоевали Англию, докатились до Южной Италии и Сицилии, а позднее и до Греции. Это было такое же нашествие «варваров» на культурный мир, какое раньше привело к падению Рима и каким позже станет нашествие монголов на китайцев и мусульман. Свирепые северные орды шли на юг, сметая все на своем пути. Но постепенно они окультуривались и утрачивали значительную часть своей свирепости.

А восточное крыло того же движения накрыло территорию от Днепра (для торговли с Византией) до Волги (для торговли с Персией). Они-то, «восточные скандинавы», и были первыми, кто назвал себя «русами» или «росами». Сомневаться в этом нет никаких причин — несколько письменных источников с достаточной ясностью свидетельствуют о том, кем были первые русы. Все авторы — и византийские, и арабские — четко различают скандинавов-«русских» и славян. (Это различие русских и славян сохраняется долго и в самой России — оно встречается, например, в списках «Русской правды» еще в 15-м веке.)

Первые записанные «русские» («росские») слова явно скандинавского

происхождения. Не говоря уже об очевидно скандинавских именах: Олег, Ольга, Игорь, название одного из центральных русских городов (скорее всего, речь идет о том, который позднее будут называть Великим Новгородом) — Немогард, а имя сына Ольги и Игоря, известного нам как Святослав, звучало Сфендослав. У Константина Багрянородного четко видно различие «русского» и славянского языков, когда он приводит двуязычные названия Днепровских порогов, с переводом с обоих языков на греческий. Скандинавское влияние на «русский» язык очевидно. Например, «русский» Улворси (Holmforsi - «остров-водопад») соответствует славянскому Островунипрах («остров-порог»); Геландри (Gaellandi - «громко звучать») - порог, который еще совсем недавно назывался Звонец; Аифор (этимология не выяснена; либо от AEIFORS - «водопад на волоке», либо от AIFOR - «всегда стремительный») - по-славянски Неасит (его недавнее название Ненасытецкий); Варуфорос (Varufors - «порог волны») - по-славянски Вулнипрах (недавно - Волнисский); Леанди (Leandi - «смеющийся») — по-славянски Въручии («пузырящийся»); Струкун (от Struk — «узкая часть русла» «теснина») — по-славянски Напрези («на стрежне»).

Но из того, что первые «росы» были скандинавами, вовсе не следует, что русские — это скандинавы. История появления русских гораздо интересней.

В отношении монголов мы отчетливо понимаем, что их восточное крыло стало буддистами, а западное мусульманами. Но мы совсем не видим, что скандинавские орды точно так же раскололись на две ветви. Правда, мы более-менее отдаем себе отчет в том, что западные скандинавы, смешавшись с коренными жителями Франции и Англии, стали англичанами и французами. Но мы совсем не понимаем того, что восточные скандинавы стали... русскими. А не понимаем мы этого, прежде всего потому, что не понимаем, кто такие «русские». Мы фантазируем на тему о том, как восточноскандинавская орда (те, кого современники называли «русами») покорила славян и основала русскую государственность. Но эти фантазии не помогают понять, что же происходило дальше, потому что дальше начинается что-то совсем непонятное. Прежде всего оказывается, что покорители почти никак не повлияли на язык покоренных. Никакого сравнения ни с влиянием скандинавских языков на английский, ни с теми следами, которые оставили в русском немецкий и французский языки, хотя ни немцы, ни французы Россию не завоевывали (в общепринятом смысле).

Скандинавского влияния в русском языке практически нет. Но мало того - еще меньше, чем в языке, скандинавского в русских душах. У русских нет «родства душ» ни со шведами, ни с норвежцами. Современная скандинавская культура: Григ, Ибсен, Стриндберг, Гамсун, Бергман, Лагерквист, Хель — находит живой отклик у русских не из-за этнопсихологического родства. Конечно, общие черты есть: сдержанность, выносливость, неприхотливость и терпеливость. Но эти черты есть не только у русских и скандинавов, но и у всех обитателей северных лесов, например у финнов или канадцев.

Но загадка варягов не только в том, что, несомненно присутствуя при нашем рождении и даже, возможно, будучи одними из наших родителей, варяги никак не повлияли на русских. Не менее таинственно и то, что они вообще как-то почти бесследно исчезают из русской жизни - летописи упоминают о варягах все реже. (Правда, те же списки «Русской правды» 15-го века еще содержат статьи, относящиеся специально к варягам, но здесь речь идет явно не о потомках дружинников Олега, давно ставших русской аристократией, а о приезжих иностранцах-северянах.) Куда же они делись? Оставим пока этот вопрос и обратимся к другому факту — факту, который настолько удивителен, что, будь он не фактом, а предположением, в него не только никто бы не поверил и не и мало кто вообще обратил внимание на столь экстравагантную мысль. Но это не предположение; это факт.

Славяне или славяноязычные?

Непохожесть русских на скандинавов — это мелочь. Она несомненна, но она не так сотрясает основы нашего самосознания, как другой, столь же очевидный, но остающийся таким же незамечаемым факт. Не меньше, чем на скандинавов, русские непохожи на славян. Несходство русских с поляками, чехами, словаками, словенцами, сербами и хорватами поразительно. Конечно, похожи языки. Но, пожалуй, трудно назвать другую общую черту, кроме, может быть, обостренной национальной гордости, «самолюбия» «самостийности», которая одинаково присуща сербам, полякам и русским. Да и та отнюдь не характерна ни для белорусов, ни для чехов, ни для хорватов.

Эта разность между русскими и славянами обнаруживает себя постоянно. Взять хотя бы далеко не братские отношения между ними, которые мы

наблюдаем всю историю, вплоть до сегодняшнего дня. Впрочем, с большинством западных и южных славян до 19-го века отношений у русских вообще не было. Связи русских с греками были теснее, чем с хорватами или с болгарами. Плотные контакты были только с поляками. Но уж эти-то отношения братскими не были точно. Какое уж там братство, когда «спор славян между собою» был откровенной враждой. И «семейного» в ней было не больше, чем в любой другой ненависти одних людей к другим. Для Украины вхождение в Россию было совершенно естественно, а для Польши стало национальной трагедией: Польша рвалась из Российской империи куда сильнее, чем из Германской или Австро-Венгерской, и куда сильнее переживала «русское иго», чем, например, Финляндия. Для России польская агрессия Смутного времени — страница истории куда более мрачная, чем нашествие Наполеона, и как ни старались позднейшие историки, черня «татарское иго», но и более мрачная, чем «иго». На самом почетном месте в Москве стоит памятник не Дмитрию Донскому и не Ивану Калите, не Кутузову, а Минину и Пожарскому.

Конечно, русские, воевавшие под Шипкой и Плевной (в отличие от русских, умиривших польские восстания), чувствовали себя освободителями братьев. Но чувство благодарности у освобожденных болгар, не говоря уже о сербах, к русским было не более горячим, чем, например, у греков. Да и сегодня среди европейских славян, включая и бывших югославов, которые не были под «коммунистической пятой» СССР, нет никого, кто относился бы к России с симпатией. Для всех них русские вовсе не «братья-славяне». И дело не в «азиатской» примеси в русской крови. У южных славян она не меньше. **Дело — в разных народных душах.**

В 19-м веке растущее осознание русскими своей неевропейскости привело к появлению «славянофильства». Но это был компромисс. Европа не могла позволить нам понять, кто мы такие на самом деле. (Я имею в виду не конкретных людей и не конкретные группы антирусских заговорщиков, а всю совокупность европейских идей, на которых воспитывалась Россия в 18—19-м веках, — начиная от общемировоззренческого «европоцентризма» и кончая конкретными политическими интересами.) Европейская логика была проста: славяне — это хотя и второсортные, но все же европейцы. Так пусть русские и считают себя славянами. Впрочем, славянской самоидентификации помогало и

упрощенное, механистическое мышление «научного» 19-го века – если мы говорим по-славянски, значит, мы славяне. Хотя в истории и бессмысленно любое сослагательное наклонение, но, появившись вместо славянофильства «русофильство», европейские интересы на востоке были бы ущемлены гораздо сильнее. Вряд ли «русофилы» так же рвались сражаться с Портой за освобождение своих единоверцев и «братьев по крови». (Впрочем, вопрос о «крови» для славянофилов был менее важным, чем вопрос о языке. Иначе бы они заметили, что болгарская «кровь» не слишком славянская.)

Стоит только на минуту разрешить себе усомниться в привычном «русские – это славяне», как начинаешь замечать несходство русских и славян едва ли не во всем. И прежде всего, конечно, в истории. Мы знаем, что первые славяне были сильными и энергичными. На юге они захватили чуть ли не все Балканы, и не у кого-нибудь, а у Византии. На западе сильно потеснили отнюдь не слабых восточных германцев – саксов, которых не мог одолеть сам Карл Великий. Западные и особенно южные славяне строят крепости и города и буквально штурмом врываются в историю. Полупрезрительное отношение к ним римских историков в 4—6-м веках к 10-му веку сменяется смесью страха и уважения. А «восточные славяне»? Они кажутся совсем другими людьми. В отличие от своих западных «кузенов» городов «восточные славяне» не строят. А позднее они как-то беспрепятственно покоряются малочисленным варягам. Мирные и безобидные землепашцы, платящие дань варягам, непохожи на родственников покорителей всей восточной части Европы. Их отношения с угрофиннами выглядят едва ли не идиллией. Например, они умудрились так «завоевать» угрофинские земли — те самые, названия которых (Москва, Угра и т. п.) и сегодня недвусмысленно говорят о том, кто были первыми обитателями этих мест, — что не осталось никаких следов этих войн.

И тем более удивительно превращение этих мирных землепашцев, после того как через них прокатились варяги. Легко поддавшиеся северным завоевателям, «славяне» вдруг становятся грозой всех соседей. И вроде бы уже без всяких норманнов. И вроде бы все это происходит, когда остальные славяне свой боевой дух уже несколько веков, как порастравили, и мирно живут на отвоеванном месте под солнцем — на юге и востоке Европы. И когда еще совсем недавно ужасавшие европейцев северяне тоже становятся куда более смирными.

Но заметнее всего разность русских и славян видна даже не в истории - и раннюю историю славян, и раннюю историю русских мы знаем все же очень мало, - заметнее всего она видна в непохожести народных культур. Жизненный ток древней русской культуры сугубо русский, а не общеславянский. Русские песни непохожи даже на белорусские и украинские. И уж совсем непохожи на песни других славян. То же и со сказками. Веселья изделий русских мастеров не встретишь нигде в славянском мире. Как не встретишь там ни русского задора, ни лукавой усмешки русских старичков-лесовичков.

Мы привыкли считать, как нечто само собой разумеющееся, русских славянами на основании сходства языков. Но этого недостаточно. Современный французский относится к латыни примерно так же, как русский язык к древнеславянскому. Но количество римской (уроженцев Рима и небольшой области вокруг него) «крови» в жилах французов ничтожно, во всяком случае меньше, чем «крови» марокканцев или сенегальцев. Мы видели совсем недавно, как русский язык становился родным для десятков миллионов людей без капли славянской «крови». Сколько немцев не знали немецкого, армян — армянского, татар - татарского! А сколько было смешанных браков! Сменись еще несколько поколений - и при немного более разумной национальной политике «советский народ» стал бы настолько однородным, что из него уже было бы не выделить исходные составляющие. Вероятно, что-то похожее, только в гораздо меньших масштабах, происходило и при рождении русского народа.

Отгадка

И в то же время насколько непохожи русские на других славян, настолько же похожи они на своих соседей-неславян. Попробуй сегодня отличить мордвина от русского - один народ. А казаки - «русские из русских»: много ли в их жилах славянской крови? Совсем другой фенотип, чем у вологодцев или рязанцев, ясно говорит, что не так уж и много. Черные чубы, горбатые носы (как и черкески) — все это наследство Стенькиной персидской княжны. Но казаки и в самом деле «русские из русских». Только не по крови. А потому что, их душа - русская.

Оттого-то мы и не можем решить вопрос о «крови», что нам ни к чему его решать: «кровь», язык и душа связаны, конечно, но отнюдь не тождественны. И вопрос о происхождении русских с точки зрения этнопсихологии и

культурологии совсем не кажется таким очевидным, каким он кажется с точки зрения лингвистики.

Если просуммировать все имеющиеся у нас факты, то они таковы. В последние века первого тысячелетия на пространстве от Буга до Волги и от Новгорода до Черного моря встретились скандинавы, славяне, литовцы, печенеги, хазары и лесные угрофинны. И закипел котел общей жизни. Можно пофантазировать, что скандинавы завоевали славян, или скандинавы отвоевали славян у хазар, или даже скандинавы освободили славян от хазар. Но все это совершенно не важно. Важно, что все первые века русской истории одной общей жизнью зажило множество «Россий», включая и неславянские, например половецкую или литовскую «Россию»; долго после рождения – все детство русских – военные союзы отличались большой причудливостью: объединение владимирцев, скажем, с половцами против новгородцев и, например, литовцев было самым обычным делом. Не менее обычными были, конечно, и межплеменные браки. В общем, это был разнородный котел. И вот как раз из него, из этого котла, и появляются русские – люди с особой душой.

Эта особая душа и создала нас. Душа, а не язык и не «кровь». Поэтому-то русские и теряли так быстро сходство со своими биологическими родителями (не важно, кем эти родители были – славянами, угрофиннами, степняками или скандинавами) и становились сами собой, «своими собственными» – русскими. В русские города превращались варяжские торговые фактории Киев и Новгород. Русскими становятся и дружины, которые опустошали Византию, Болгарию, Хазарию.

Нужно специально зажмурить глаза, чтобы не видеть за всем этим по историческим меркам моментальным «русскогенезом» мощной внешней силы – силы, создавшей русскую душу и посеявшей в душах отдельных людей, которым предстояло стать русским народом, русский архетип. За несколько десятилетий, в конце 9-го – начале 10-го века, она дала нам душу и тем самым из человеческого материала, оказавшегося в тот момент на территории, которой было определено стать Россией, «сделала» нас: котёл разнородных в сравнительно короткий исторический период был переплавлен в единый русский народ — народ, пышущий энергией, ужасавшей его соседей.

А вот за основу языка рождающегося народа был принят один из славянских